

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: sergai@mail.ru

КУЛЬТУРА КАЯО (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)*

Статья посвящена критическому разбору материалов по погребальному обряду, керамике и бронзовым изделиям культуры каяо, полученным в ходе раскопок на территории провинции Цинхай (КНР) в 1980–1990 гг. Китайские ученые привычно относят каяо к периоду развитой и поздней бронзы (эпохи Инь и Чжоу по исторической хронологии, или 1600–600 гг. до н. э.), несмотря на железный нож, найденный в одном из захоронений могильника Мобула. Слишком обширный период ставит под сомнение существование данного культурного феномена как единой культуры. Проведенное нами исследование позволило уменьшить вероятный период бытования культуры каяо, отнеся его к этапу перехода от бронзового к раннему железному веку. В керамике каяо выделено две большие группы изделий, которые восходят к традициям Средней Азии и Среднего Востока. Бронзовые изделия также имеют аналогии с культурами Центральной Азии, в том числе с «культурой оленных камней». В этническом отношении создатели каяо, вероятно, относились к древним цяням.

Ключевые слова: Цинхай, культура каяо, погребальный обряд, расписная керамика, оленные камни, древние цяны.

Культуры бронзового века на территории Ганьсу-Цинхайского нагорья (в Северо-Западном Китае) были открыты Ю. Г. Андерсоном еще в 20-е гг. прошлого столетия. В разные периоды к их изучению обращались такие видные китайские археологи, как Ся Най, Ань Чжиминь, Се Дуаньцзюй, Шуй Тао и др. Однако, несмотря на столь длительную историю исследования, многие проблемы, связанные с хронологией, этапами развития, внешними связями этих культур, все еще далеки от решения.

Заслуживает особого обсуждения стечение в едином культурном комплексе (если это действительно цельный комплекс) разнородных элементов, которые за пределами Ганьсу-Цинхая относятся к разным традициям и хронологическим этапам. Нам уже приходилось отмечать эту особенность на примере так называемой культуры сыба [Молодин и др., 2005].

Поскольку оба иероглифа, входящие в состав названия культуры каяо, имеют в китайском языке разные варианты чтения, то не только в западной, но и в китайской

литературе возникли различные варианты передачи этого названия в зависимости от того, какое из прочтений показалось наиболее приемлемым конкретному исследователю. Мы предлагаем придерживаться варианта прочтения, приведенного в томе «Археология» Большой Китайской энциклопедии, исходя из нормативного характера этого издания [Се Дуаньцзюй, 1998. С. 251]. Знакомство с материалами культуры каяо, памятники которой выделены китайскими археологами в основном на территории восточной части провинции Цинхай, создает впечатление, что данное образование также составлено из разнородных (хронологически) компонентов. Это касается керамики, подтверждается металлическим инвентарем и рядом черт погребальной обрядности. Керамический комплекс предварительно можно разбить на две группы, которые различаются по форме сосудов и принципам их декоративного оформления. Первая представлена высокими нарядными, хорошо профилированными плоскодонными

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05–01–01190а).

сосудами с выделенной шейкой и двумя ручками сбоку (рис. 1, 14–16). Внутри этой группы по общим пропорциям предмета можно выделить также две подгруппы. Одна – это широкогорлые горшки с короткой профилированной, отогнутой наружу шейкой, ширина которой несколько меньше диаметра тулова. Вторая – изделия вытянутых пропорций с длинной высокой шейкой, узким горлом и небольшим относительно диаметра тулова устьем [Ли Ипин, Сюй Юнцзе, 1994. С. 456–459]. В этой группе сосудов, на наш взгляд, прослеживаются черты, характерные для керамических традиций постандроновских культур финала развитой бронзы и эпохи позднего бронзового века, в разных вариантах встречающиеся на территории Северной и Средней Азии – бегазы-дандыбаевской, еловской, ирменской и др. Они проявляются в наличии стилизованного меандрового орнамента на тулове, рядов заштрихованных равнобедренных треугольников у основании плечиков и на шейке сосудов, зональности расположения орнамента [Маргулан, 1979. Рис. 48, 87, 89, 97; Матюшенко, 2004. Рис. 420–424 и др.; Косарев, 1981. Рис. 56, 58, 68, 69; Молодин, 1985. Рис. 60–62]. Впрочем, данное обстоятельство не выглядит из ряда вон выходящим (экстраординарным), учитывая широкую распространенность меандровых мотивов на керамике культур II тыс. до н. э. на территории Дальнего Востока, южной части Северной и Средней Азии – фактически от Урала до Корейского полуострова, на севере которого (по мнению археологов КНДР) данный орнамент существует от неолита до эпохи средневековья включительно. Определенную андронидность можно усмотреть и в форме самих сосудов. Конечно, профилированная шейка, ручки по бокам придают им, бесспорно, местный колорит, который особенно усиливается тем обстоятельством, что декор керамических емкостей выполнен краской. В этом отношении культура каяо входит в круг культур расписной керамики неолита и бронзового века бассейна Хуанхэ (яншао, мацзяо, сыба, синьдянь, сыва); наиболее ранние находки такой керамики в районе Ганьсу относятся к первому периоду культуры дадивань, который датируется в

пределах 6 220–5 360 гг. до н. э. [Се Дуаньцзюй, 2002. С. 10]. Вместе с тем появление и распространение крашеной керамики – явление, по всей видимости, эпохальное и имеет место в эпоху неолита – раннего бронзового века на обширных территориях Дальнего Востока, Средней Азии, Восточной Европы, Средиземноморья [Мастера..., 2005. С. 134–147; Энеолит..., 1982. Рис. 44, табл. IV, IX–XVI, XVIII, XIX, XXI–XXV, LXXVIII–LXXXXIII; Кирчо, 1999; Бердыев, 1968а. Рис. 4–6; 1968б. Рис. 2, 5–8; 1970. Рис. 3–6; Курбансахатов, 1987. С. 51–81, рис. 30–42, 48–53; Матбабаев, 1999.

Табл. V–VII]. Наличие андронидных черт в облике керамики первой группы культуры каяо не должно вызывать особого удивления, если учесть восточное направление миграционных процессов в эпоху развитого и позднего бронзового века, гипотезу М. Лёра (правда, часто оспариваемую) о наличии западного степного импульса, связанного с племенами андроновской культурно-исторической общности, и обнаружение в Синьцзяне андроновских памятников [Новоженков, 1994; 2002. С. 39; Молодин, Комиссаров, 2000]. Собственно, здесь же следует искать те механизмы, которые на всем огромном постандроновском пространстве привели к появлению сходных черт в материальной и, очевидно, духовной культуре населения последующих эпох и обусловили признаки сходства, которые фиксируются, порой, у отдаленных и не связанных прямыми контактами культур.

На западную и более раннюю линию связей указывает и вторая группа керамики культуры каяо, которая выделяется по имеющимся материалам. Включенная в нее посуда характеризуется приземистостью форм, уплощенным дном и иной орнаментальной традицией, отличающейся от геометризма первой группы использованием в декоре анималистических образов (рис. 1, 11–13). Стенки такой посуды часто украшены цепочками следующих друг за другом профильных силуэтных фигурок копытных (козлы, олени). Среди орнаментальных композиций встречаются и простые широкие линии, опоясывающие шейки сосудов, или пояс взаимопроникающих треугольников,

представляющих порой единственное украшение изделия. Отметим, что в обеих группах, о которых идет речь, присутствует большая доля неорнаментированной посуды. Плоское дно, раздутое тулово,

которое шире горловины сосуда, пары боковых ручек, соединяющих венчик и плечики сосудов, объединяют между собой обе выделен-

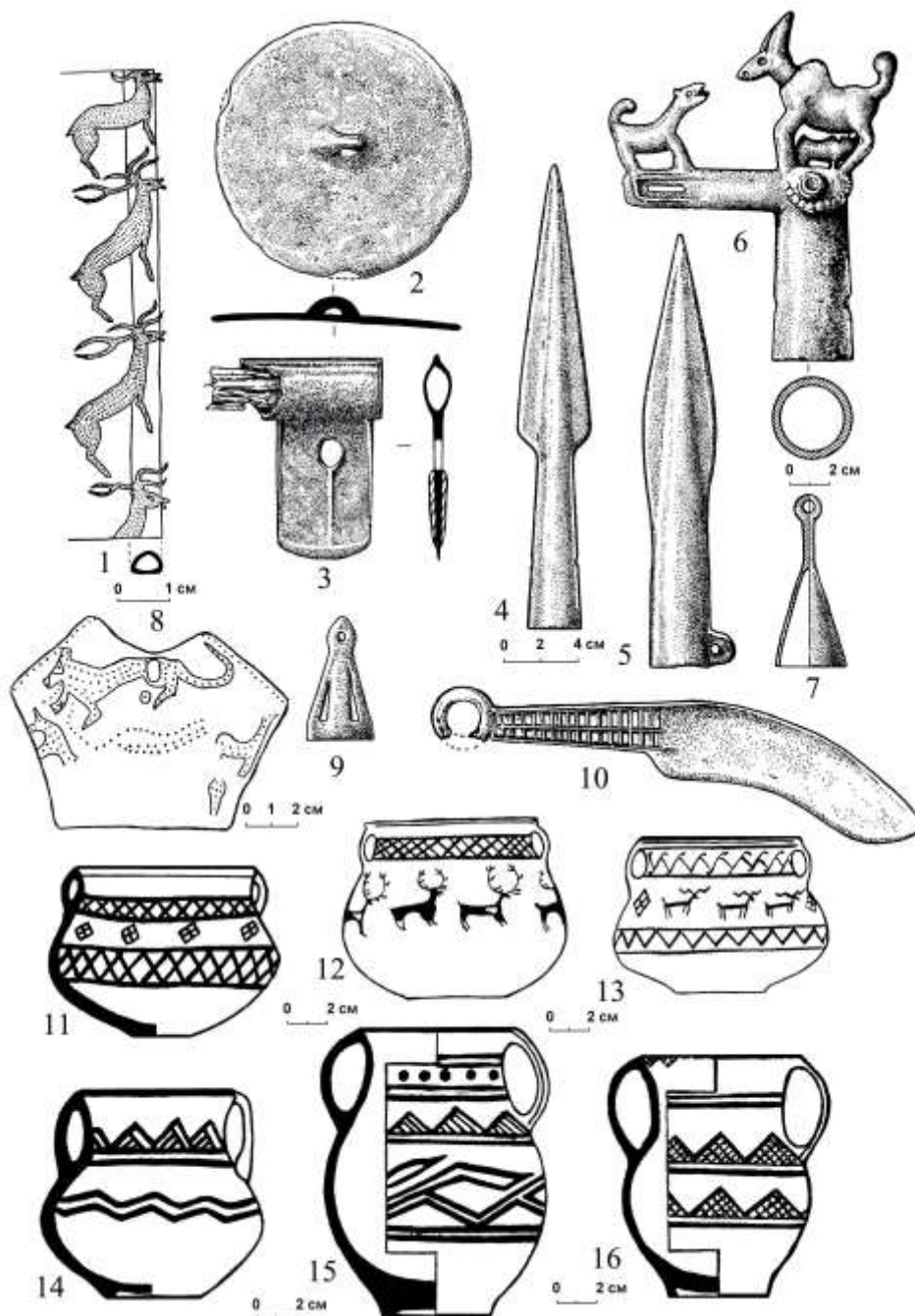

Рис. 1. Инвентарь культуры каяо: 1 – трубочка из могильника Хуанцзячжай (мог. 16:4); 2 – зеркало из могильника Дахуачжун (мог. 101:1); 3 – топор из могильника Паньцзялян; 4 – наконечник копья из Дахуачжун (мог. 96:13); 5 – наконечник копья из Дахуачжун (мог. 95:1); 6 – топор (навершие) из Дахуачжун (мог. 87:1); 7 – колокольчик из Дахуачжун (мог. 3:2); 8 – пластинка из жилища 1 в Мобула; 9 – колокольчик из Дахуачжун (мог. 79:1); 10 – нож из могильника Паньцзялян; 11 – расписной сосуд из Ахатэла (мог. 12:13); 12 – расписной сосуд из Сюньхуа; 13 – расписной сосуд из Сюньхуа; 14 – расписной сосуд из могильника Сучжи (мог. 23:2); 15 – расписной сосуд из Сухуса (мог. 43:1); 16 – расписной сосуд из Сухуса (мог. 12:3) (2–7, 9–10 – бронза, 1, 8 – кость, 11–16 – керамика).

Материалы из Хуанцзячжай даны по: [Гао Дунлу, Сюй Юнцзе, Ли Ипин, У Пин, 1994. С. 203, рис. 11, 1]; из Дахуачжун – по: [Краткий отчет..., 1985. С. 20, 22, рис. 16, 2; 17, 1, 5, 8, 9]; из Паньцзялян (без масштаба) – по: [Се Дуаньцзюй, 2002. С. 162, рис. 29, 3, 7]; из Мобула – по: [Гао Дунлу, Сюй Шучжэнь, 1990. С. 1015, рис. 6, 9]; из Ахатэла – по: [Чжунго каогусюэ, 2003. С. 565, рис. 8–33, 5]; из Сюньхуа (без масштаба) – по: [Се Дуаньцзюй, 2002. С. 161, рис. 28, 1, 4]; из Сучжи – по: [Чжунго каогусюэ, 2003. С. 565, рис. 8–33, 7]; из Сухуса – по: [Ли Ипин, Сюй Юнцзе, 1994. С. 456, рис. 27, 1, 3]

ные группы и могут служить (в данном случае) устойчивым диагностирующим признаком керамики каяо. Определенные параллели с керамикой рассматриваемой группы отыскиваются на памятниках раннеземледельческих культур Туркменистана (Анау, Намазга) и Малой Азии, принципы орнаментации посуды которых демонстрируют типологически близкие решения.

Имеющиеся материалы могут быть объяснены либо разновременностью означенных комплексов, существовавших, однако, в русле некоей, пока еще не очерченной, местной культурно-исторической традиции, либо высокой степенью консервативности и традиционности местной культуры, сохранившей ряд черт предшествующего времени (что происходило у культур-«изолятов», занимавших экологически неблагоприятные, трудные для жизни места, однако адаптировавшихся к ним и впитывавших инновации извне). Культуры эти, не будучи в силах изменить формы хозяйственной деятельности и быта, на многие столетия законсервировали свое поступательное развитие (как это, например, имело место в таежной полосе Западной Сибири).

Металлический инвентарь культуры каяо (см., например: [Краткий отчет..., 1985. Рис. 16, 17, 20; Се Дуаньцзюй, 2002. Рис. 29] и др.) представлен следующими находками: бронзовые ножи с выпуклым обушком и кольцевым навершием (рис. 1, 10); копья с круглой нервюрой на пере, плавно переходящей во втулку (рис. 1, 4, 5); круглые бляхи-зеркала с петлей на обороте (рис. 1, 2); колоколовидные сплошные и прорезные подвески (рис. 1, 7, 9); бронзовые широко- и узколезвийные втульчатые топоры, с молоточками на обушках и без таковых, фигурки животных, гравированные на поверхности изделий или отлитые на обушной их части (рис. 1, 3, 6); прямоугольные панцирные пластины с крепежными отверстиями, попарно расположенными в углах и у середины

изделия, которые по принципу образования бронированной поверхности относятся к ламеллярному типу защитного вооружения, распространившемуся в памятниках Сибири и европейской части России в конце I тыс. до н. э. [Матвеева и др., 2004]. Данный набор вкупе с гравировками на костяных изделиях оленей и кошачьих-хищников в скифо-сибирском «зверином стиле» (рис. 1, 1, 8) еще больше омолаживает верхнюю хронологическую границу этого феномена. Его североазиатские параллели позволили в свое время А. А. Ковалеву искать в нем истоки культуры оленных камней монголо-забайкальского типа [Ковалев, 2001].

Теперь обратим внимание на некоторые черты погребальной обрядности, представляющей особый интерес, тем более что к настоящему времени исследовано более двух тысяч могил, относимых китайскими исследователями к наследию культуры каяо.

Среди надмогильных сооружений обращают на себя внимание курганные насыпи, возведенные из утрамбованной земли и содержащие целую серию захоронений. Две подобные, если так можно выразиться, «многомогильные» «коллективные» постройки выявлены в могильнике Сучжи. В насыпи одной из них найдено 16, а другой 10 индивидуальных могил. Захоронения совершались, как правило, в грунтовых могильных ямах, среди которых выделяются довольно сложные двухуровневые конструкции. Первый уровень представлял собой углубление в земле округлой или по большей части подтреугольной формы, в которой выкапывалась узкая прямоугольная яма, иногда с небольшим расширением в верхней части, в головах (рис. 2, 1–3). Ее размеры соответствовали комплекции тела погребенного. В ряде случаев продольные стенки ямы укреплялись деревянными плахами. Для этого их концы закреплялись в углах ямы в специальных небольших траншеях, которые как бы продолжали линию продольных стен. Таким образом, короткие поперечные стенки начинали играть роль распорок, не давая деревянным

обкладкам завалиться внутрь (рис. 2, 5–7). К сожалению, в данном случае остаются неясными многие детали внутреннего устройства деревянной конструкции. В частности, размеры, сечение ее составляющих, особенности их скрепления между собой, наличие следов древесины в заполнении ямы, их пространственное расположение и взаимная ориентация. Все

это затрудняет более подробную идентификацию конструкции внутримогильного сооружения, которая вполне может быть связана с традицией использования в заупокойной практике (известной, например, по среднеазиатским и отчасти западно-сибирским параллелям) особых «по-

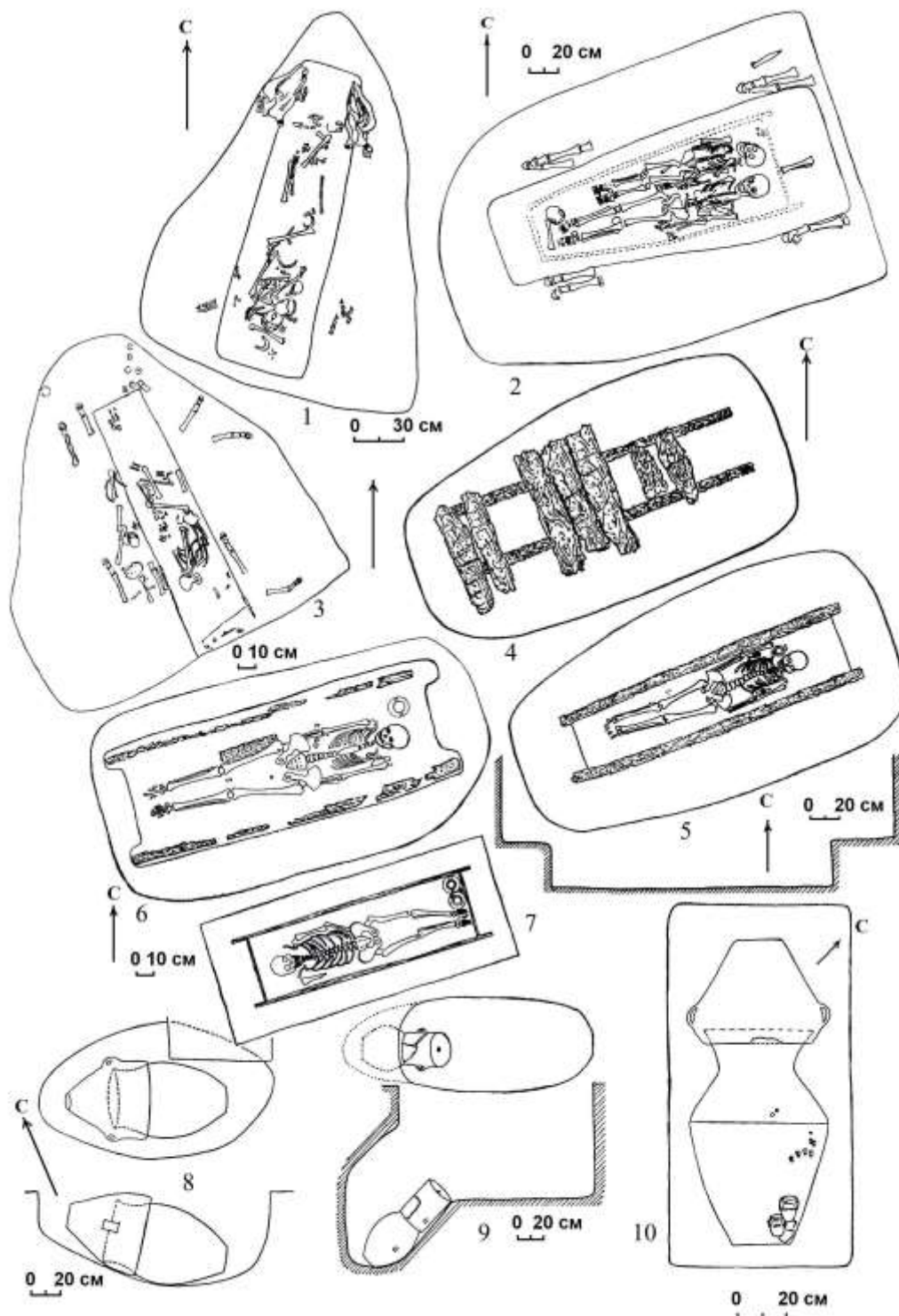

Рис. 2. Типы захоронений культуры каяо: 1 – могила 39 в Дахуачжун; 2 – могила 95 в Дахуачжун; 3 – могила 57 в Дахуачжун; 4 – могила 19 в Шаньпинтай (перекрытие); 5 – могила 19 в Шаньпинтай (план); 6 – могила 18 в Шаньпинтай; 7 – могила 133 в Баньчжува; 8 – детское захоронение 2, могильник Сухуаса; 9 – детское захоронение 65 в Шаньпинтай; 10 – детское захоронение 66 в Шаньпинтай.

Материалы из Дахуачжун даны по: [Краткий отчет..., 1985. С. 12, 17, рис. 2; 12; 13]; из Шаньпинтай – по: [Гао Дунлу, 1987. С. 259, 264, рис. 5; 19; 20]; из Баньчжува – по: [Сюй Шучжэнь, 1996. С. 31, рис. 14]; из Сухуса – по: [Ли Ипин, Сюй Юнцзе, 1994. С. 451, рис. 18]

гребальных носилок», на которых транспортировалось и затем опускалось в яму тело.

Погребенные располагались на дне ям на спине в вытянутом положении с руками вдоль туловища, головой на СВ, СЗ, С. Около головы устанавливался сосуд. Остальной инвентарь размещался в области грудной клетки, у локтей, колен и бедер. После этого ямы закрывались короткими поперечными плахами. Впрочем, отмечаются и редкие случаи продольного расположения плах перекрытия. Во внешней полости, в которой, собственно, и находились ямы с погребениями, обнаруживаются останки лошадей (в мужских могилах), которые представлены черепами и костями ног в анатомическом сочленении. Встречаются также черепа и кости коров и, реже, баранов (рис. 2, 1–3). Все эти остеологические находки располагались на дне полости, подобно таким случаям, которые принято интерпретировать как погребения со шкурой или чучелом коня. Судя по количеству костей и их составу, принадлежали они одной-двум особям. В Северной Азии погребения со «шкурой лошади» известны с эпохи раннего железа, где они сосуществовали с превалирующим обрядом использования в погребальной практике целой туши животного [Нестеров, 1990. С. 51–85]. Пик же их распространения выходит за рамки раннего железного века и, сохраняя семантические элементы мировоззренческого пласта скифской эпохи, вписываются в рамки уже иной (тюркской) религиозной традиции [Соловьев, 2006. С. 17–21].

Кроме описанных выше встречаются захоронения в каменных ящиках. Известны и случаи размещения тел ничком, в скорченном положении на боку, а также вторичные погребения, иногда с кремацией; индивидуальные, парные или групповые. В качестве сопутствующих находок

встречаются черепа и кости коров, овец, собак. Детские погребения часто совершались в керамических корчагах. Последние, соединяясь друг с другом горловинами (когда один более крупный горшок надевался на другой), образовывали единую замкнутую полость, внутри которой и размещались останки погребенных (рис. 2, 8–10). Такие керамические «саркофаги» устанавливались на дно небольших подпрямоугольных либо овальных ям, ориентированных чаще всего в северо-западном направлении. Любопытно отметить, что дно их далеко не всегда было ровным – встречается наклон в продольном, как правило, юго-восточном направлении. Сосуды в таких могилах располагались таким образом, что дно самой крупной корчаги, служившей основной емкостью, оказывалось ниже «крышки» – сосуда, надевавшегося на его горловину. В ряде случаев зафиксированы и небольшие подбой у основания поперечной стенки могилы. Они выкапывались под углом примерно 45° к ее дну, несколько вглубь и вниз, и служили для размещения керамических погребальных емкостей, которые, в соответствии с линией дна, занимали здесь наклонное положение (рис. 2, 8, 9).

В целом, погребальный обряд культуры каяо отличается значительным разнообразием и может указывать на развитую социально-имущественную дифференциацию. Отдельные богатые могилы (несколько сотен предметов инвентаря, включая престижное бронзовое оружие, сопогребения, в том числе в нишах, носившие характер жертвы) противопоставляются многочисленным погребениям без инвентаря или с одним-двумя сосудами. Такие нюансы погребальной обрядности, как захоронение в дополнительной яме, устроенной на дне предварительно вырытой полости, с деревянными конструкциями внутри (плахи

вдоль стен) и перекрытые сверху поперечным плахами (рис. 2, 4, 5), характерны для памятников Южной Сибири (в частности, для Алтая) гунно-сарматского времени [Степная..., 1992. Табл. 111; Молодин, 2000. С. 147–150]. Впрочем, определенные параллели таким конструкциям можно (с известной долей условности) усмотреть в устройстве погребальных сооружений рядового населения Алтая скифского времени (пазырыкская культура). Тогда на дне обширных первичных ям делались небольшие прямоугольные углубления, в которых размещалась деревянная рама или небольшой прямоугольный сруб, перекрываемые затем накатом из жердей, плах или небольших бревен. Такие погребальные устройства зафиксированы на памятниках Усть-Чоба в долине среднего течения Катуня (раскопки одного из авторов), на плато Укок. Однако следует отметить, что здесь такие рамы-срубы имели продольные перекрытия.

Резюмируя сказанное, можно считать, что памятники культуры каяо вобрали в себя весьма значительный спектр признаков, находящихся параллели в материалах соседних регионов – Средней и Северной Азии, широкого хронологического диапазона: от поздней бронзы до, как минимум, раннего железа. Это, если провести корректировку дат, занимает переходное от бронзового к железному веку время с преимущественным тяготением к границам скифской эпохи. Возможно, такие соображения вкупе с находкой железного ножа в одной из могил Мобула [Гао Дунлу, Сюй Шучжэнь, 1990. С. 1016] в какой-то мере помогут сузить период бытования этой культуры, который на основе немногочисленных радиоуглеродных дат определен периодом с 1600 до 600 гг. до н. э., причем не исключается как более ранняя нижняя, так и более поздняя верхняя граница [Шуй Тао, 2001. С. 229; Се Дуаньцзюй, 2002. С. 156]. Китайские археологи предлагают выделение разных типов (ахатэла, шансунь), между которыми предполагается хронологическое различие; однако детально эти связи в рамках единой культуры пока не выявлены [Чжунго каогусюэ..., 2003. С. 564–565].

На вопрос о том, можно ли искать истоки происхождения культуры оленных камней среди материалов данного культурного образования, однозначный ответ дать трудно. Пока отсутствует определенность в том отношении, что представляет собой автохтонный стержень культурного развития. С одной стороны, вещевой комплекс содержит информацию, которая может дать положительный ответ (данные уже проанализированы А. А. Ковалевым), с другой – тот же самый вещевой комплекс пока позволяет говорить преимущественно о культурных импульсах извне, нежели вовне. Создается впечатление, что внешние воздействия были сильнее. Соединение отмеченных черт материальной культуры, разорванных во времени в археологической среде соседних регионов, позволяет предварительно констатировать значительную консервативность и традиционность развития данного исторического образования. Для того же, чтобы решить вопрос о доминирующем направлении культурных связей и соответственно о преимущественном влиянии культуры каяо на внешний мир и роли ее в сложении ряда известных нам на смежных территориях культурных феноменов, или, наоборот, о приоритете внешних инноваций в ее развитии, необходимо дополнительное углубленное изучение материалов культуры каяо на широком хронологическом и территориальном культурном фоне.

Особо следует сказать о возможной этнокультурной атрибуции культуры каяо. На основании эпиграфических и письменных источников большинство культур бронзового века Ганьсу-Цинхя связывают с древними цянскими племенами, в которых столь же традиционно видят предков тибетского народа [Гай Шаньлинь, 1996. С. 57–58]. Несмотря на ряд критических замечаний, высказанных по данному поводу в последние годы и даже вылившихся в целую «цянскую проблему» [Кычанов, Мельниченко, 2005. С. 18–21], мы, в целом, считаем эту гипотезу наиболее обоснованной. Однако встает и другой вопрос: что собой представляли собственно цяны? К сожалению, пока нет детального исследования довольно богатой

краниологической коллекции, полученной при раскопках могильников. Бронзовый предмет, найденный на памятнике Дахуачжун, свидетельствует о том, что носителям культуры каяо были отлично известны как европеоидные, так и монголоидные народы. Их представители изображены в бронзе с подчеркиванием расоразличительных особенностей (рис. 3).

Однако мы не знаем, где изображены собственно «каяосцы», а где их соседи. Судя по предпринятому нами обзору основных параметров культуры каяо (равно как и рассмотренной ранее культуры сыба), в

Рис. 3. Бронзовый предмет с изображениями человеческих лиц из Дахуачжун (по: [Ковалев, 2001. С. 163, рис. 2, 5, 6]; без масштаба)

этих образований присутствуют многие элементы, присущие культурам поздней бронзы и скифского времени на территории Центральной и Северной Азии; нельзя исключить, что они имели под собой определенную этническую основу. Возможно, именно цяны принесли эти элементы на территорию Тибета.

Список литературы

Бердыев О. К. Изучение памятников эпохи неолита // Каракумские древности. Ашхабад, 1968а. Вып. 1. С. 14–32.

Бердыев О. К. Новые раскопки поселения Тайчанак-Депе // Каракумские древности. Ашхабад, 1968б. Вып. 2. С. 10–17.

Бердыев О. К. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений

// Каракумские древности. Ашхабад, 1970. Вып. 3. С. 14–32.

Кирчо Л. Б. К изучению энеолита южного Туркменистана (основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе) // Археологические изыскания. СПб., 1999. № 60. 120 с.

Ковалев А. А. О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 160–166.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.

Курбансахатов К. Энеолит Анау. Ашхабад, 1987. 168 с.

Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005. 351 с.

Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 360 с.

Мастера бронзового века: Альбом / Под ред. А. Журавлева. М., 2005. 191 с.

Матбабаев Б. Х. Некоторые итоги сравнительного изучения расписной керамики Чустской культуры // Ozbekiston moddy madaniyati tarixi, 30-nashri. Samarqand, 1999. С. 41–54.

Матвеева Н. П., Потемкина Т. М., Соловьев А. И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язев-3) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2004. № 4. С. 85–99.

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс: Еловский II могильник: Доирменские комплексы. Омск, 2004. Ч. 2. 468 с.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В. И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. Новосибирск, 2000. 189 с.

Молодин В. И., Комиссаров С. А. Андронидный могильник на территории Восточного Туркестана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г. Новосибирск, 2000. Т. 6. С. 342–349.

Молодин В. И., Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Еще раз о китайских

источниках по эпохе бронзы и необходимости критического к ним отношения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2005 г. Новосибирск, 2005. Т. 11, ч. 1. С. 394–399.

Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. 142 с.

Новожинов В. А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху неолита и бронзы). Алматы, 1994. 267 с.

Новожинов В. А. Петроглифы Сары Арка. Алматы, 2002. 125 с.

Соловьев А. И. Погребальные памятники средневекового населения Обь-Иртышья (обряд, социум, миф): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 54 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М., 1992. 494 с.

Энеолит СССР / Под ред. В. М. Масона, Н. Я. Мерперта. М., 1982. 359 с.

Гай Шаньлинь. Сычоу чжи лу цаюань миньцзу вэньхуа [Культура степных народов на Шелковом пути]. Урумчи, 1996. 527 с. (на кит. яз.)

Гао Дунлу. Могильник культуры каяо Шаньпинтай, уезд Гуйдэ, пров. Цинхай // Каогу сюэбао. 1987. № 2. С. 255–274 (на кит. яз.)

Гао Дунлу, Сюй Шучжэнь. Краткий отчет о раскопках памятника культуры каяо в

Мобула, уезд Хуанюань, пров. Цинхай // Каогу. 1990. № 11. С. 1011–1016 (на кит. яз.)

Гао Дунлу, Сюй Юнцзе, Ли Ипин, У Пин. Отчет о раскопках могильника Хуанцзячжай, уезд Датун, пров. Цинхай // Каогу. 1994. № 3. С. 193–205 (на кит. яз.)

Краткий отчет о раскопках могильника культуры каяо в Дахуачжунчжуан, уезд Хуанюань, пров. Цинхай // Каогу юй вэньу. 1985. № 5. С. 11–34 (на кит. яз.)

Ли Ипин, Сюй Юнцзе. Могильник Сухуса, автономный уезд Сюйхуа, пров. Цинхай // Каогу сюэбао. 1994. № 4. С. 425–469 (на кит. яз.)

Се Дуаньцзюй. Культура каяо // Чжунго дабайкэ цюаньшу: Каогусюэ [Большая китайская энциклопедия: Археология]: 2-е изд., испр. и доп. Пекин, 1998. С. 251 (на кит. яз.)

Се Дуаньцзюй. Гань-Цин дицзюй шициань каогу [Доисторическая археология региона Ганьсу-Цинхай]. Пекин, 2002. 258 с. (на кит. яз.)

Сюй Шучжэнь. Краткий отчет о раскопках могильника культуры каяо Баньчжува, уезд Хуалу, пров. Цинхай // Каогу. 1996. № 8. С. 27–44 (на кит. яз.)

Чжунго каогусюэ: Ся Шан цюань [Китайская археология: эпохи Ся и Шан] / Под ред. Ян Сичжан, Гао Вэй. Пекин, 2003. 668 с. (на кит. яз.)

Шуй Тао. Чжунго Сибэй дицзюй цинтун шидай каогу луньцзи [Сборник статей по археологии бронзового века Северо-западного региона]. Пекин, 2001. 329 с. (на кит. яз.)

Материал поступил в редколлегию 05.10.2007

S. A. Komissarov, A. S. Solov'ev

KAYAO CULTURE (COMPARATIVE ANALYSIS)

The article is devoted to critical analysis of the materials on burial rituals, ceramics and bronzes of Kayao Culture excavated during archaeological investigations at Qinghai Province in 1980–1990. Chinese specialists habitually considered Kayao Culture belonged to the period of Middle and Late Bronze Age (Yin and Western Zhou Dynasties, according historical chronology, or 1600–600 years BC in absolute dates), despite of iron knife found in one grave at Mobula. So vast period of being put under doubt existence of this cultural phenomenon as a one culture. Our investigation gave the reason to reduce the period of Kayao Culture's existence and to determinate it as a period of transition from Bronze Age to Early Iron Age. Kayao's ceramics were divided into two big groups connected with traditions of Middle Asia. Bronze imple-

ments also had affinities with Central Asian cultures, f. e., «Stag stones' culture». By their ethnical characteristics the creators of Kayao Culture most likely belonged to ancient Qiang people.

Keywords: Qinhai, Kayao Culture, burial rituals, painted pottery, stag stones, ancient Qiangs